

ально-политические и экономические отношения, для целей анализа и расчета среднего уровня относительной депривации, используются с весовыми коэффициентами. Весовые коэффициенты определяются эмпирическим путем, но на начальном этапе анализа могут использоваться собственные экспертные данные.

Библиографический список

1. Мокин К.С. Концептуальные аспекты моделирования социально-этнических систем. Балаково, 2003.
2. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 94–122.
3. Максимов В.И., Корноушенко Е.К. Аналитические основы применения когнитивного подхода при решении слабоструктурированных задач // Труды ИПУ РАН. 1998. Вып. 2.
4. Homans G.H. The Humans Group. NY, 1950.
5. Светлов В.А. Аналитика конфликта. СПб., 2001.
6. Hopfield J.J. Neural networks and physical systems with emergent collective computation abilities // Proc. Nat. Acad., USA. 1982. #79. P. 2554–2559.
7. Тoffoli T. Машины клеточных автоматов. М., 1991.

A.E. Zhivlakova
Social Structure of Political Communication: Methodology and Prospects of Research

Basic characteristics of political discourse are singled out and social structure of political communication is studied on the basis of content-analysis. Factors defining peculiarities and variability of political communication in conditions of transitional political processes are analyzed.

Key words and word-combinations: political communication, social structure, stratification variability.

Выделяются основные характеристики политического дискурса и на основе контент-анализа исследуется социальная структура политической коммуникации. Проанализированы факторы, определяющие особенности и вариативность политической коммуникации в переходных условиях.

Ключевые слова и словосочетания: политическая коммуникация, социальная структура, стратификационная вариативность.

УДК 316.77(470+571)
ББК 60.56(2Рос)

А.Е. Живлакова

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Вектор исследовательских проектов, тематика публикаций ученых разных стран свидетельствуют о росте научного интереса представителей общественно-политической мысли к социальной природе, структуре и функциональной направленности политической коммуникации. Авторы, обобщая различные дефиниции, подчеркивают многогранность этого феномена, определяя его как «знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значе-

ний, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики» [1, с. 29]. Обращаясь к рассматриваемой теме, можно получить ответы на весьма актуальные вопросы, связанные с трансформационными процессами, которые происходят в той или иной социальной системе; выявить их суть, порой скрытую для стороннего наблюдателя.

Проблемное поле политической коммуникации в основном изучается посредством двух методологических подходов – критического и постмодернистского. Первый подход базируется на положениях лингвистики, согласно которым дискурс трактуется как коммуникативная акция, производимая в форме текста или речи. Письменный и разговорный дискурс интерпретируются как форма социальной практики; подчеркивается их взаимосвязь и взаимная обусловленность. В рамках этого направления политическая коммуникация понимается как вербальная репрезентация отношений идеологического доминирования. Много внимания уделяется исследованию дискурсов расизма, национализма, сексизма, а также дискурса политических элит и медиадискурса как основных источников властной асимметрии.

Постмодернистский дискурс-анализ отличается от критического отсутствием лингвистического интереса к исследованию политической коммуникации. Это понятие трактуется широко, что позволяет рассматривать все социальные практики без исключения как дискурсивные. В рамках данного подхода политика выступает способом формирования и структурирования социального в результате артикуляции значений. Идеологические понятия представляются как совокупность изменчивых знаков, имеющих различные артикуляции. Этот подход отличается стремлением соединить в дискурс-анализе концепцию власти М. Фуко с психоанализом власти Ж. Лакана, а также признанием дискурса единством силы и страсти.

Оба указанных подхода представляются вполне обоснованными и хорошо дополняют друг друга в социологических исследованиях политической коммуникации, которые развиваются по трем основным направлениям:

1. *Словарь политического языка. Метафоры. Концепты. Идеологемы.* Данное направление практически является приоритетным. В качестве операциональных конструктов политической коммуникации здесь рассматриваются общественно-политическая лексика [2], тоталитарный язык [3–4], эвфемизация [5–7].

2. *Речевое портретирование.* В 90-е годы XX в. основной темой исследований были речевые портреты политических деятелей – М. Горбачева и Б. Ельцина, В. Черномырдина и Л. Кучмы, В. Жириновского, А. Лебеда, Ю. Лужкова, Б. Чубайса [8–11]. В первую очередь в портретировании обращается внимание на индивидуальные особенности языка и на социологический аспект. Таким образом выявляются место политика на шкале «свой / чужой», соотношение индивидуального образа и стереотипов поведения, речевых образов.

3. *Определение политического дискурса.* Исследуя политический дискурс на теоретическом уровне, ученые разрабатывают его различные определения. Например, дается такое понятие: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса... В политических дискурсах идет борьба

за власть номинаций (за власть называния, за власть в сфере обозначения) и, тем самым, борьба за фундаментальные групповые ценности. И любой политик или автор политического дискурса должен быть готов к тому, что против него будут использованы средства... «делегитимизации»» [12, с. 57–58].

Исследователи едины в том, что политическая коммуникация представляет собой определенный властный ресурс, выполняющий следующие функции: 1) конструирования и деконструирования социально-политического образа мира; 2) регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений; 3) формирования социальных, политических и идеологических идентичностей; 4) артикуляции социальных притязаний, интересов, ценностных ориентаций в конкурентной борьбе на политическом рынке.

Ученые выделяют характеристики, присущие политической коммуникации: доминирование декламаторского стиля воззвания – пропагандистского триумфализма; повышенная критичность и «пламенность»; лозунговость; пристрастие к заклинаниям, агитаторский задор; оценочность и агрессивность; идеологизация всего, о чем говорится; расширительное (в ущерб логике) употребление понятий; преувеличенная абстракция и наукообразие; превалирование «сверх-Я»; формализм партийности, претензия на абсолютную истину. Как правило, политики избегают проявления личностных мотивов и намерений; им нужно подчеркнуть социальную значимость и ответственность, социальную ангажированность выступления – мотив «я представляю интересы всего общества в целом» [13, с. 42].

В ряде методологических принципов, применяемых в социологическом анализе политической коммуникации, существует значительная полисемия. Многие ученые стоят на критико-лингвистических позициях, где теоретические направления анализа носят скорее дескриптивный и рационализированный характер. Это обуславливает стремление исследователей «специализировать» дискурс, разрабатывать различные инструментальные дискурсивные модели. Например, выделяются три уровня политического текста: уровень прямого слова, содержательный уровень (то, что сказано прямо); риторический уровень (то, как сказано – как автор оформляет свои мысли, свои предложения, выраженные прямым словом); уровень априорных посылок (идеи, представления, лежащие в основе прямого слова) [14].

В другой модели политической коммуникации учитывается когнитивный аспект, который базируется на постулате о том, что сами по себе тексты не имеют смысла – их смысл образуется в сознании носителей языка [15]. Другими словами, требуется «разобрать по частям» когнитивные представления политических деятелей в процессе производства ими политических речей, высказываний, а также рассмотреть аудиторию во время восприятия текста выступления. Считается, что здесь задействованы две ментальные структуры: 1) собственно значение текста, присутствующее в памяти как текст-представление, и 2) уникальное личное представление об описанном в тексте событии самих носителей языка. «Люди имеют специфическую ментальную (контекстуальную) модель существующего коммуникативного контекста, которая охватывает информацию о целях дискурса, его коммуникативных актах и особенностях аудитории» [16, с. 22]. Эта

контекстуальная модель, характеризующаяся не только знаниями, но также мнениями, представлениями о событии и его участниках, связывает политическую коммуникацию с социальной ситуацией и структурой.

Многие ученые используют диахроническую сравнительную модель [17]. В изучении политической коммуникации здесь выделяется несколько аспектов: собственно лингвистический, психологический и социальный. Главным фактором, определяющим структурные особенности языка, считаются внутренние психологические тенденции («drift»). Социальный аспект речевого общения включает в себя статусные и ролевые различия между людьми, которые проявляются в актах коммуникации; общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения; социальные различия между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения.

Таким образом, вопрос о социальной структуре политической коммуникации является одним из центральных в осуществляемых исследованиях. Следует отметить, что основную методологическую нагрузку при этом несет лингвистический подход.

Социальная структура политической коммуникации изучается в лингвистике обычно в связи с тем, что языковые формы, употребляемые говорящими субъектами, свидетельствуют о статусной отнесенности говорящих, то есть социально-статусная определенность речевого поведения людей выражается только в том, что через материал высказываний говорящих она указывает на принадлежность последних к тем или иным социальным статусам. Тем не менее во всех публичных политических дискурсах присутствуют, на наш взгляд, и другие, более устойчивые структурные компоненты – социальные маркеры, что определяет широкие перспективы социологического подхода к анализу социальной структуры политической коммуникации.

В качестве социальных маркеров социологического анализа могут быть определены структурно-семиотические единицы – лексика языка и грамматические показатели, а также единицы, представляющие результаты концептуальных операций – метафоры, примеры, аналогии. Это может быть использовано для характеристики индивидуального сознания автора и количественного измерения средств художественной выразительности его политического сознания.

Для обработки текстов нами разработана специальная категориальная схема, где учитываются различные группы объектов, которые отражают категории слов, относящиеся к следующим показателям коммуникации: использование терминов, ненормативной лексики, эмоционально окрашенной лексики; речевые ошибки, связанные с непониманием значения слова, лексической не сочетаемостью, лексической неполнотой высказывания, употреблением новых слов (неологизмов), устаревших слов (архаизмов), слов иноязычного происхождения, диалектизмов, разговорных и просторечных слов, профессиональных жаргонизмов, фразеологизмов, клише и штампов; многословие, выражающее в плеоназме; использование лишних слов, тавтологии, слов-паразитов. Также предлагается фиксировать фактические ошибки (нарушение правильности передачи фактического материала), логические, грамматические, синтаксические и ошибки в орфоэпии.

Единицей измерения на эмпирическом уровне социологического анализа здесь служит частота появления искомого признака в тексте, то есть единица

счета – фрагмент текста, содержащий упоминание категории и характеристику ее содержания. Фактически единицы счета совпадают с единицами анализа. В связи с этим процедура подсчета сводится к подсчету частоты упоминания выделенной смысловой единицы, на основании чего делаются теоретические выводы. В дальнейшем в результате контент-анализа производится статистическая обработка результатов кодировки, на основании чего можно выделить статусные группы, которые являются основой социальной структуры политической коммуникации.

Интерпретация результатов социологического исследования раскрывается в таблице отношений, где каждая единица анализа рассматривается по трехбалльной шкале отношений: положительный (+) контекст употребления данной единицы анализа, нейтральный (0) или негативный (-). С целью выяснения связи категорий и отношения к выделенным статусным группам подсчитывается коэффициент корреляции, который выражает силу связи между категориями и статусными группами и знак этой связи (положительный, отрицательный или нейтральный). Этот метод позволяет сделать вывод о том, насколько грамотно и коммуникативно-разнообразно говорят те или иные социальные группы политических деятелей.

Впоследствии тексты могут быть сравнены не только друг с другом, но и с некой нормой, своеобразной нулевой оценкой, которую можно получить с помощью частотных словарей, где дана средняя относительная частота употребления какой-либо единицы средним носителем русского языка. Таким образом, данная методология позволяет сформулировать теоретические выводы и объективно стратифицировать субъектов исследования в зависимости от их политической коммуникации. Перспективы предлагаемой методологии состоят в том, что ее основы могут применяться широким спектром социально-политических наук в качестве инструментария изучения социальной структуры политической коммуникации. Отдельные методологические положения могут использоваться при разработке рекомендаций для оптимизации политического общения в целом, в спецкурсах по политической риторике, политическому дискурсу и практике политических дискуссий, в обучении студентов публичной речи. Предлагаемый методологический подход к социологическому анализу социальной структуры политической коммуникации поможет типологизировать стратификационную вариативность политической коммуникации в средствах массовой информации и проанализировать факторы, определяющие эти особенности в условиях трансформации политических процессов.

Библиографический список

1. *Русакова О.Ф., Максимов Д.А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Политические исследования. 2006. № 4.
2. *Воробьева О.И.* Политическая лексика: ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск, 2000. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2003/01/chudinov.pdf>
3. *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
4. *Кутина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
5. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
6. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1/2.

7. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
8. Баранов А.Г. Формы языковой игры // Человек играющий: Язык, личность, социум. М.; Тверь, 1998.
9. Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестн. Омского ун-та. 1996. № 1.
10. Иссерс О.С. «Паша – “Мерседес”», или речевая стратегия дискредитации // Вестн. Омского ун-та, 1997. № 2.
11. Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» // Вестн. Омского ун-та, 1997. № 3.
12. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997.
13. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>
14. Алтуnian А.Г. Анализ политических текстов. М., 2006.
15. Dijk T.A. van. Discourse Analysis of News. – Jensen K.B. (ed.) A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research. Vol. 5. L., 1999.
16. Шевченко А.Ю. Дискурс-анализ политических медиатекстов // Политические исследования. 2002. № 6.
17. Социальный аспект речевого общения // СОЦИО: [сайт]. URL: <http://s0ci0.ru/problemu-sociolingvistiki/86-socialnyj-aspekt-rechevogo-obshheniya.html>

A.Yu. Dashkova
Manipulation Methods of
Influencing Mass Consciousness

Conceptual approaches to understanding methods of influencing mass consciousness in conditions of information society formation are considered. The necessity of the development of information and communicative competence and the ability to make out the manipulation signs in communication is emphasized.

Key words and word-combinations: manipulation influence, mass consciousness, information, mass media, mosaic culture.

Рассмотрены концептуальные подходы к осмыслению методов воздействия на массовое сознание в условиях формирования информационного общества. Обращено внимание на необходимость развития информационной и коммуникативной компетентности, умения различать в информационных сообщениях признаки манипуляции.

Ключевые слова и словосочетания: манипулятивное воздействие, массовое сознание, информация, средства массовой информации, мозаичная культура.

УДК 316.77+316.4
 ББК 60.84

А.Ю. Дашкова

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ
МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Манипуляция может трактоваться как «ак влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка» [1, с. 254]. Манипулятивные механизмы воздействия на массы неоднократно и на протяжении уже достаточно длительного времени исследовались теоретиками и применялись практиками. На примерах диктаторов, политических деятелей, проповедников, а также известных общественных деятелей можно убедиться в действенности эффективных манипулятив-